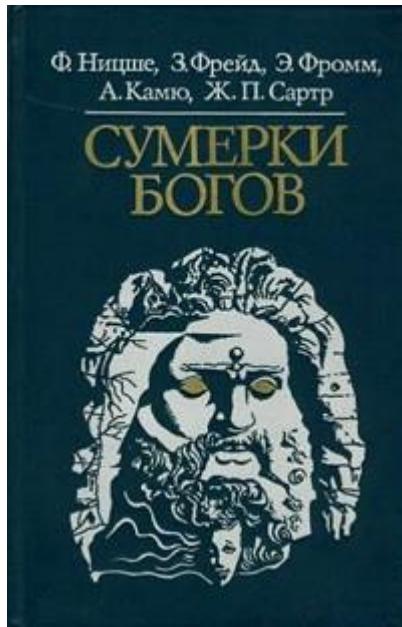

Сумерки богов

В сборник *Сумерки богов* включены произведения видных западных мыслителей – Ф.Ницше, З.Фрейда, Э.Фромма, А.Камю, Ж.П.Сартра, которые подвергают критике религиозные идеи. Некоторые из этих произведений публикуются на русском языке впервые. Книгу мне рекомендовала Ирина Мельникова. Интересно, не нарушаю ли я УК РФ, публикуя настоящий конспект!?

Ф.Ницше, З.Фрейд, Э.Фромм, А.Камю, Ж.П.Сартр. Сумерки богов. – М.: Издательство политической литературы, 1990. – 400 с.

На момент публикации заметки книга доступна только в [букинистических магазинах](#)

Фридрих Ницше. Антихристианин

Что хорошо? – Все, от чего возрастаёт в человеке чувство силы, воля к власти, могущество. Что дурно? – Все, что идет от слабости. Что счастье? – Чувство возрастающей силы, власти, чувство, что преодолено новое препятствие. Пусть гибнут слабые и уродливые – первая заповедь нашего человека любия. Надо еще помогать им гибнуть.

Какой тип человека надлежит возвращать, какой наиболее высокооценен, более других достоин жизни, какому принадлежит будущее. Такой высокооцененный тип в прошлом нередко существовал на земле – но как счастливый, исключительный случай и никогда – согласно воле. Напротив, его более всего боялись, он, скорее, внушал ужас, и страх заставлял желать, возвращать и выводить обратное ему – домашнее, стадное животное, больное человеческое животное – христианина...

Христианство принимало сторону всего слабого, низкого, уродливого; свой идеал оно составило по противоположности инстинктам сохранения жизни, жизни в силе; христианство погубило разум даже самых сильных духом натура, научив чувствовать заблуждение, искушение, греховность в самых высших ценностях духовного. Самый прискорбный случай – Паскаль^{9}, испорченный верой в то, что разум его испорчен первородным грехом, тогда как испорчен он был лишь христианством!..

Жизнь для меня тождественна инстинкту роста, власти, накопления сил, упрямого существования; если отсутствует воля к власти, существо деградирует.

Христианство называют религией сострадания... Сострадание противоположно аффектам тонуса, повышающим энергию жизненного чувства, – оно воздействует угнетающе. Сострадая, слабеешь. Сострадание парализует закон развития – закон селекции. Оно поддерживает жизнь в том, что созрело для гибели.

У кого в жилах течет богословская кровь, тот ни на что не способен смотреть прямо и честно. На такой почве развивается пафос, именуемый верой: раз и навсегда зажмурил глаза, не видишь

себя и уже не смущаешься своей неизлечимой лживостью. Самый глубокий инстинкт самосохранения воспрещает богослову читать или хотя бы учитывать реальность – и в самом малом. Куда только простирается его влияние, всюду извращены ценностные суждения.

Успех Канта – успех богослова, и только: подобно Лютеру, подобно Лейбницу, Кант стал новым тормозом на пути немецкой порядочности.

Ни мораль, ни религия христианства ни в одной точке не соприкасаются с действительностью. Сплошь воображаемые причины: «бог», «душа», «Я», «дух», «свобода воли» – а то и «несвобода». Сплошь воображаемые следствия: «грех», «искупление», «благодать», «кара», «прощение грехов». Воображаемое естествознание – антропоцентрическое, с полным отсутствием понятия о естественных причинах. Воображаемая психология – сплошное непонимание самого себя, состояний симпатического нерва, на языке знаков религиозно моральной идиосинкразии – «раскаяние», «угрызения совести», «дьявольское искушение», «близость бога».

Когда придумали понятие «природы» – противостоящей богу, «природное», «естественное» стало означать падшее и порочное, – весь воображаемый мир христианства коренится в ненависти к природе (действительности), он выражает глубочайшую неудовлетворенность реальным... И этим все объясняется. У кого есть причины облыжно самоустраниться из действительности? У того, кто от нее страдает.

Пока народ верует в себя, у него – свой бог. В своем боже народ чтит условия, благодаря которым он на высоте, в нем он чтит свои доблести. Гордому народу бог нужен, чтобы приносить ему жертвы... В таких условиях религия – форма благодарения. Народ благодарен самому себе: ему нужен бог, чтобы благодарить... Ему надо, чтобы бог мог и быть полезным, и приносить вред, ему нужен бог враг, бог друг, которым можно восхищаться во всем – в добром и в дурном.

Однако, когда народ гибнет, когда он чувствует, что его вера в будущее иссякает, надежда обрести свободу окончательно гаснет, когда покорность представляется ему полезным делом, а добродетель побежденного – первым условием сохранения жизни, тогда обязан перемениться и бог. Бог стал тихоней, себе на уме, стеснительным, пугливым, он отныне проповедует «мир души», не велит никого ненавидеть, советует бережно обращаться со всеми и «любить» все одно что друга, что врага.

Предпосылки жизни по восходящей линии – все крепкое, смелое, гордое,ластное – изымаются из понятия бога, шаг за шагом он превращается в символ костыля для усталых людей, спасительного якоря для тонущих, становится богом нищих, богом грешников.

А еще догмат о «непорочном зачатии»?.. Да ведь им опорочено зачатие...

Перенося центр тяжести жизни в «мир иной» – в Ничто, отнимают у нее центр тяжести вообще. Великая ложь личного бессмертия разрушает разум, уничтожает естественность инстинкта.

Евангелия – нечто совсем особенное. Нельзя дать ввести себя в заблуждение; они говорят: «Не судите!», а сами отправляют в преисподнюю все, что встает у них на пути. У них судия – бог, но судят то за него они сами.

Нас разделяет то, что почитаемое богом мы воспринимаем не как «божественное», а как далекое, пагубное и абсурдное, не как заблуждение, а как преступление перед жизнью... Религия типа христианской, ни в одной точке не соприкасающаяся с действительностью и немедленно гибнущая, как только мы признаем правоту действительности хотя бы в одной точке, такая религия не может не враждовать с «мудростью мира сего», сиречь с наукой (значит, в узком смысле слова с двумя великими супротивницами суеверия – филологией и медициной). И верно: нельзя быть филологом и врачом и не быть при этом антихристианином. Ведь филолог видит, что стоит за «священными книгами», а врач видит, что стоит за физиологической деградацией типичного христианина. Врач говорит: «Неизлечим»; филолог говорит: «Подлог»...

Как воспрепятствовать науке? Это на долгое время стало основной проблемой, волновавшей бога. Ответ: надо изгнать человека из рая! Счастье, праздность наводят на мысли, а все мысли – дурные... Человек не должен думать... Нужда помешает человеку думать... И, однако! О ужас! Дело познания растет, высится, штурмует небеса, несет с собой сумерки богам.

Долой врачей! Нам нужен спаситель... Понятия вины и кары, включая сюда и учение о «благодати», об «искуплении», о «прощении», – ложь от начала до конца, лишенная какой бы то ни было психологической реальности, – все это придумано для того, чтобы разрушить в человеке чувство причинности. Грех придуман для того, чтобы сделать невозможными науку, культуру, возвышение, благородство человека; выдумав грех, жрец царит...

«Божественное провидение», в которое в нашей «культурной Германии» продолжает верить каждый третий, может служить самым сильным аргументом против бога. И во всяком случае это аргумент против немцев!..

Не дадим сбить себя с толку: великие умы были скептиками. Люди с убеждениями совсем не к месту, когда затрагивается ценность чего-либо существенно важного. Убеждения что темница. Напротив, потребность в вере, – это потребность слабого. Человек веры – это непременно зависимый человек, он не полагает себя как цель, вообще не полагает себе цели так, чтобы опираться на самого себя.

Нежелание видеть то, что видишь, и таким, как видишь, – почти что главное условие для человека *партии*, в каком бы то ни было смысле; он непременно становится лжецом. У жрецов в таких вещах более тонкий нюх, и они прекрасно понимают возражение, заключенное в понятии убеждения, то есть принципиальной – целенаправленной лживости. А потому они усвоили благоразумный прием иудеев и вместо «убеждения» говорят – «бог», «воля божья», «откровение господне». И Кант с его категорическим императивом шел тем же путем – его разум сделался в этом отношении практическим... Есть, мол, вопросы, где не человеку решать, в чем правда; самые высшие вопросы, самые высшие проблемы ценности недоступны человеческому разуму, они по ту сторону его... «Вот истина» – эти слова, где только они ни раздаются, означают одно: жрец лжет...

Цель науки в том, чтобы по возможности полно, без потерь, собрать урожай экспериментов и опыта – дурного, отрицательного. Значит, прежде всего надо чтобы длилось экспериментирование, чтобы ценности оставались в прежнем подвижном состоянии, чтобы продолжались исследование, критика, отбор их *in infinitum* (до бесконечности). Против того возводят двойную стену – сначала откровение: утверждают, что разумность законов будто бы не человеческой природы, что их будто бы отнюдь не искали и не находили лишь постепенно и путем ошибок, но что они – божественного происхождения и явились на землю все сразу и во всем совершенстве, без всякой истории, как чудо, как небесный дар... И другая стена – традиция: утверждают, что закон существовал с незапамятных времен, так что сомневаться в нем – неблагочестиво, преступно по отношению к предкам.

Природа разделяет людей духовных по преимуществу, людей по преимуществу мышечных, с сильным темпераментом и, наконец, третьих, не выдающихся ни в одном, ни в другом, посредственных. Третьи – большое число, а первые и вторые – элита. Высшая каста – назову их «теми, кого всех меньше», – будучи совершенной, обладает и преимущественными правами тех, кого меньше всех, – среди этих прав привилегия воплощать на земле счастье, красоту и благо.

Различать три типа необходимо для того, чтобы поддерживать жизнь общества, обеспечивать существование все более высоких и наивысших типов человека: неравенство прав – первое условие для того, чтобы существовали права... Право – значит преимущественное право, привилегия. Исключительный человек более чутко и нежно обходится с посредственными, нежели с собой и себе подобными, и это не просто деликатность, – это долг.

Христианство – вампир Римской империи; оно единственным махом перечеркнуло великий подвиг римлян, готовивших почву для великой культуры, которая уже располагала бы временем...

Весь труд античного мира – все напрасно: не нахожу слов, чтобы выразить чувство ужаса, какое охватывает меня... Для чего жили греки! Для чего жили римляне?.. Уже были созданы все предпосылки ученой культуры, все научные методы, уже сложилось великое, несравненное искусство хорошего чтения, – без этого немыслима традиция культуры, единство науки; естествознание в союзе с математикой и механикой развивались наилучшим образом; чувство факта, самое главное и ценное из чувств, создало целые школы и имело за собой века традиции! Мгновение, и от всего осталось одно воспоминание!..

Все жалкое, страждущее, обуреваемое скверными чувствами, все гетто души – все это во мгновение ока всплыло наверх!.. Почитайте кого-нибудь из христианских агитаторов, пусть то будет, например, святой Августин{59}, и вы поймете, вы почуеете, что за грязные личности вылезли на поверхность.

Христианство лишило нас урожая античной культуры. Позднее отняло у нас жатву культуры ислама. Чудесный мир мавританской культуры Испании – он по сути родственнее нам, он больше говорит нашим чувствам, нашему вкусу, чем Греция и Рим, и этот мир был растоптан. Потом крестоносцы сражались с культурой, перед которой им приличнее было бы пасть ниц. Конечно, им хотелось добычи, а Восток был богат... Не понимаю, как немцы могли когда-либо чувствовать по-христиански...

Мы вынуждены коснуться здесь другой материи, в тысячу раз более болезненной для немца. Немцы лишили Европу последнего великого урожая культуры – урожая Ренессанса. Чезаре Борджа – папа... Сим было бы упразднено христианство!.. А что произошло вместо этого? Немец монах по имени Лютер прибыл в Рим. И этот монах, со всеми мстительными инстинктами жреца неудачника, засевшими в теле, возмутился в Риме против Ренессанса... Все недуги Европы – все на совести немцев; на их совести и самое грязное христианство, самое неизлечимое, самое неопровергимое, – протестантизм... Если людям не удастся справиться с христианством, виноваты будут немцы...

Зигмунд Фрейд. Будущее одной иллюзии

Какая дальнейшая судьба предстоит нашей культуре и через какие перемены ей назначено пройти? Попытка сделать такой прогноз сталкивается с несколькими проблемами. Прежде всего потому, что лишь немногие люди способны обозреть человеческую деятельность во всех ее разветвлениях. А чем меньше человек знает о прошлом и настоящем, тем ненадежнее по необходимости окажется его суждение о будущем. Во-вторых, потому, что как раз в такого рода суждении субъективные упования индивида играют роль, которую трудно переоценить.

Наконец, дает о себе знать то примечательное обстоятельство, что люди в общем и целом переживают свою современность как бы наивно, не отдавая должное ее глубинному содержанию: они должны сперва неким образом взглянуть на нее со стороны; то есть современность должна превратиться в прошлое, чтобы мы смогли опереться на нее в своем суждении о будущем.

Человеческая культура охватывает, во-первых, все накопленные людьми знания и умения, позволяющие им овладеть силами природы и взять у нее блага для удовлетворения человеческих потребностей, а во-вторых, все институты, необходимые для упорядочения человеческих взаимоотношений и особенно – для дележа добываемых благ. При этом люди обладают двумя распространенными свойствами, ответственными за то, что институты культуры могут поддерживаться лишь известной мерой насилия, а именно люди, во-первых, не имеют спонтанной любви к труду и, во-вторых, доводы разума бессильны против их страстей.

Поэтому, рядом с благами теперь выступают средства, способные служить защите культуры, – средства принуждения и другие, призванные примирить людей с нею и вознаградить их за принесенные жертвы. Эти средства второго рода можно охарактеризовать как психологический арсенал культуры.

Ради единообразия способа выражения будем называть тот факт, что какое-то влечение не может быть удовлетворено, отказом, установление, предписывающее этот отказ, – запретом, а состояние, вводимое посредством запрета, – лишением. С запретами, предписывавшими лишения, культура начала неизвестное число тысячелетий назад свой отход от первобытного животного состояния. К своему изумлению, мы обнаружили, что они все еще действуют, все еще составляют ядро враждебных чувств к культуре.

В отношении ограничений, касающихся лишь определенных классов общества, последние завидуют привилегиям элиты и готовы на все, чтобы отделаться от своей дополнительной доли лишения. Когда это невозможно, внутри длиной культуры пускает корни устойчивая неудовлетворенность, способная привести к опасным мятежам.

Как для человечества в целом, так и для одиночки жизнь труднопереносима. Какую-то долю лишений накладывает на него культура, какую-то меру страдания готовят ему другие люди. Добавьте сюда ущерб, который наносит ему непокоренная природа. В качестве обороны против гигантской монстризации природы осуществляют ее очеловечивание. Человек делает силы природы не просто человекообразными существами, а придает им характер отца, превращает их в богов.

Так создается арсенал представлений, порожденных потребностью сделать человеческую беспомощность легче переносимой. Все ужасы, страдания и трудности жизни предназначены к искуплению; жизнь после смерти, которая продолжает нашу земную жизнь, принесет исполнение всего, чего мы здесь, может быть, не дождались. Легко заметить, что не все детали религиозного целого одинаково хорошо согласуются друг с другом, что противоречия повседневного опыта лишь с большим трудом поддаются сглаживанию.

Обычно нам совокупность религиозных представлений предлагают, как божественное откровение. Но ведь это само по себе есть уже элемент религиозной системы, преподносимый с полным пренебрежением к известным нам фактам исторического развития религиозных идей и к их разнообразию в разные эпохи и в разных культурах.

Так каково же психологическое значение религиозных представлений? Религиозные представления суть тезисы, высказывания о фактах и обстоятельствах внешней (или внутренней) реальности, сообщающие нечто такое, чего мы сами не обнаруживаем и что требует веры. Существует, естественно, масса подобных тезисов о разнообразнейших вещах в нашем мире. Ими полон каждый школьный урок. Однако в школе всегда уточняется, откуда взято знание, обнародуемое тезисом. Например, Земля имеет форму шара; в доказательство этого приводится эксперимент с маятником Фуко.

Попробуем подойти с той же меркой к религиозным учениям. Если мы поднимем вопрос, на что опирается их требование верить в них, то получим три ответа, на удивление плохо между собой согласующиеся. Во-первых, они заслуживают веры, потому что уже наши предки им верили; во-вторых, мы обладаем свидетельствами, дошедшиими до нас от той самой древности; а в-третьих, поднимать вопросы о доказательности догматов веры вообще запрещено.

Этот третий пункт должен пробудить в нас сильнейшие сомнения. Подобный запрет может, надо сказать, иметь только ту единственную мотивировку, что общество очень хорошо понимает беспочвенность притязаний, выдвигаемых его религиозными учениями. Иначе оно, несомненно, с великой охотой предоставило бы всем, кто желает, самостоятельно выработать в себе убежденность и весь необходимый для этого материал. К анализу двух других аргументов мы подходим поэтому с настороженным недоверием. Мы должны верить потому, что верили наши предки. Но наши праотцы были гораздо более невежественны, чем мы, они верили в такие вещи, которые мы сегодня никак не в состоянии допустить.

Закрадывается подозрение, что религиозные учения тоже, пожалуй, относятся к такого рода вещам. Свидетельства, дошедшие до нас в составе этих учений, зафиксированы в книгах, в свою очередь, несущих на себе все черты ненадежности. Они полны противоречий, подвергались редакциям, фальсифицировались; когда в них сообщается о фактах, то самим этим сообщениям подтверждения нет. Мало помогает делу, когда источником их буквальных выражений или их содержания объявляется божественное откровение, потому что подобное утверждение само является уже частью тех самых учений, чья достоверность подлежит проверке, а ведь ни одно утверждение не может доказать само себя.

С древних времен несчетные множества людей терзались одинаковыми сомнениями, которые они старались подавить, потому что считали веру своим долгом; многие блестящие умы надломились в этом конфликте, многие характеры стали ущербными из-за компромиссов, путем которых они искали выход из положения.

Вспоминаю одного из моих детей, который очень рано начал выделяться особым пристрастием к объективности. Когда детям рассказывали сказку, которую они завороженно слушали, он подошел и спросил: «Это правдивая история?» Получив отрицательный ответ, он удалился с пренебрежительной миной. Следует надеяться, что скоро люди будут вести себя по отношению к религиозным сказкам подобным же образом. Надо спросить, в чем состоит внутренняя сила этих

учений, какому обстоятельству обязаны они своей независимой от санкции разума действенностью?

Выдавая себя за знание, они не являются подытоживанием опыта или конечным результатом мысли, это иллюзии, реализации самых древних, самых сильных, самых настойчивых желаний человечества; тайна их силы кроется в силе этих желаний. Пугающее ощущение детской беспомощности пробудило потребность в защите, – и эту потребность помог удовлетворить отец; сознание, что та же беспомощность продолжается в течение всей жизни, вызывает веру в существование какого то, теперь уже более могущественного отца. Добрая власть божественного пророчества смягчает страх перед жизненными опасностями. Продолжение земного существования в будущей жизни предлагает пространственные и временные рамки, внутри которых надо ожидать исполнения желаний.

Могут возразить: если людей научат, что не существует всемогущего и всеправедного бога, не существует божественного миропорядка и будущей жизни, то они почувствуют себя избавленными от всякой обязанности подчиняться предписаниям культуры. Каждый станет необузданно, безбоязненно следовать своим асоциальным, эгоистическим влечениям, насилиничать, снова начнется тот хаос, который мы сдерживали многотысячелетней работой культуры. Даже если бы было известно и доказано, что религия не располагает истиной, нужно было бы молчать об этом. В интересах всеобщего блага!

Я утверждаю, что для культуры будет большей опасностью, если она сохранит свое нынешнее отношение к религии, чем если она откажется от него. Религия несомненно оказала человеческой культуре великую услугу, сделала для усмирения асоциальных влечений много, но недостаточно. На протяжении многих тысячелетий она правила человеческим обществом; у нее было время показать, на что она способна. Если бы ей удалось облагодетельствовать, утешить, примирить с жизнью, сделать носителями культуры большинство людей, то никому не пришло бы в голову стремиться к изменению существующих обстоятельств. Что мы видим вместо этого? Что пугающее большое число людей недовольно культурой и несчастно внутри нее, ощущает ее как ярмо, которое надо сбряхнуть с себя.

Если религия не может продемонстрировать ничего лучшего в своих усилиях дать человечеству счастье, культурно объединить его и нравственно обуздить, то неизбежно встает вопрос, не переоцениваем ли мы ее необходимость для человечества и мудро ли мы поступаем, основываясь на ней в своих культурных запросах.

Задумаемся над недвусмысленной современной ситуацией. Религия не имеет того же влияния на людей, как раньше (речь идет здесь о европейской христианской культуре). Дело не в том, что ее обещания стали менее заманчивыми, а в том, что в глазах людей они уже не кажутся заслуживающими прежнего доверия.

Научный дух вырабатывает определенный род отношений к вещам нашего мира; перед явлениями религии он на некоторое время останавливается, колеблется, наконец, переступает и здесь через порог. Этот процесс нельзя прекратить, чем больше людей приобщается к сокровищам знания, тем шире распространяется отход от религиозной веры.

Человек не может вечно оставаться ребенком, он должен в конце концов выйти в люди, в «чуждый свет». Мы можем назвать это «воспитанием чувства реальности».

Эрих Фромм. Психоанализ и религия

Никогда еще человек не подходил так близко, как сегодня, к осуществлению своих самых заветных надежд. Наши научные открытия и технические достижения приближают время, когда стол будет накрыт для всех голодных. Но что он скажет в отношении самого себя? Приблизился ли он к осуществлению другой мечты человеческого рода – совершенству самого человека?

Ребятишек учат в воскресной школе, что честность, прямота, забота о душе должны служить главными ориентирами в жизни, в то время как «жизнь учит», что следование этим принципам делает из нас в лучшем случае беспочвенных мечтателей.

Какова позиция Фрейда по отношению к религии в «Будущем одной иллюзии»? По Фрейду, религия возникает из беспомощности человека перед противостоящими силами природы и

внутренними инстинктивными силами. Религия появляется на ранней ступени развития человечества, когда человек еще не может применить разум, чтобы справиться с этими внешними и внутренними силами, и должен подавлять их или управлять ими.

При этом человек создает то, что Фрейд называет «иллюзией»; материал берется из индивидуального детского опыта человека. Ощущая опасные, неуправляемые и непонятные силы внутри и вовне себя, человек как бы припоминает свой детский опыт и возвращается к тому времени, когда он чувствовал, что находится под защитой отца, обладающего высшей мудростью и силой, и мог завоевать его любовь и защиту, подчиняясь приказаниям и стараясь не нарушать запреты.

Фрейд не ограничивается и доказательством иллюзорности религии. Он говорит, что религия опасна, потому что освящает дурные человеческие установления, с которыми она была связана на всем протяжении своей истории; далее, приучая людей верить в иллюзии и налагая запрет на критическое мышление, религия ответственна за обнищание умственных способностей. Третье возражение Фрейда состоит в том, что религия – слишком шаткая основа для морали. Если правильность этических норм определяется тем, что это суть заповеди божии, то будущее этики оказывается зависимым в своем существовании от веры в бога.

Если человек отбрасывает иллюзию отеческого бога, если он сознает свое одиночество и свою незначительность во Вселенной. Если он знает, что ему не на что положиться, кроме собственных сил, то научится и правильно ими пользоваться. Только свободный человек – человек, освободившийся от власти авторитета, власти, которая одновременно угрожает и защищает, – может правильно употребить разум и понять мир и свою роль в нем объективно, не впадая в иллюзии; он также способен развить и использовать присущие ему возможности.

Взгляды Юнга на религию почти во всем противоположны фрейдовским. Согласно Юнгу сущность религиозного опыта – в повиновении высшим силам.

Фрейд защищает этическое ядро религии и критикует ее сверхъестественные понятия, которые являются препятствием для человеческого развития.

Хотя мы и знаем, что кроме монотеистических существовало и существует множество других религий, но все же связываем религию с системой, помещающей в центр бога и сверхъестественные силы. А можно ли религии без бога, такие, как буддизм, даосизм или конфуцианство, вообще называть религиями? У нас просто нет слова для обозначения религии в качестве общечеловеческого феномена.

Под религией я понимаю любую разделяемую группой систему мышления и действия, позволяющую индивиду вести осмысленное существование и дающую объект для преданного служения.

Нужда в системе ориентации и служении внутренне присуща человеческому существованию, поэтому мы можем понять и причины, по которым она является такой интенсивной. Человек может поклоняться животным, деревьям, золотым или каменным идолам, невидимому богу, святому человеку; он может поклоняться предкам, нации, классу или партии, деньгам или успеху. Религия может содействовать его разуму или приводить разум в состояние паралича.

Я различаю авторитарные и гуманистические религии. Авторитарная религия есть признание человеком некой высшей невидимой силы, управляющей его судьбой и требующей послушания, почтания и поклонения. Существенным элементом авторитарной религии и авторитарного религиозного опыта является полная капитуляция перед силой, находящейся за пределами человека. Главная добродетель этого типа религии – послушание.

Гуманистическая религия, напротив, избирает центром человека и его силы. Человек должен развить свой разум, чтобы понять себя, свое отношение к другим и свое место во Вселенной. Религиозный опыт в таком типе религии – переживание единства со всем, основанное на родстве человека с миром, постигаемым мыслью и любовью. Цель человека в гуманистической религии – достижение величайшей силы, а не величайшего бессилия; добродетель – в самореализации, а не в послушании. Одним из лучших примеров гуманистической религии является ранний буддизм.

Раннее христианство было гуманистическим, а не авторитарным учением. Однако всего через несколько сот лет после того, как христианство из религии бедных и скромных земледельцев, ремесленников и рабов превратилось в религию правителей Римской империи, доминировать стала авторитарная тенденция.

Когда человек проецирует свои лучшие способности на бога, каким становится его отношение к собственным силам? Они отдалились от него, человек отчужден от себя. Все, чем он обладал, принадлежит теперь богу, и в нем самом ничего не осталось. Только через посредство бога он имеет доступ к самому себе. Однако, чем больше он славит Бога, тем он опустошеннее. Чем он опустошеннее, тем более греховным он себя чувствует. Чем более греховным он себя чувствует, тем больше славит бога и тем менее способен к восстановлению самости.

Среди важнейших открытий психоанализа – те, что касаются правильности мыслей и идей. Традиционно в качестве базовых данных при изучении человеческого сознания брались идеи человека о самом себе. Считалось, что люди начинают войны, движимые чувством чести, из патриотизма, стремления к свободе – поскольку сами люди думали, что поступают согласно этим мотивам.

Новый подход к мышлению человека формировался медленно, первым его выражением явилось, пожалуй, высказывание Спинозы: «Слова Павла о Петре говорят нам больше о Павле, чем о Петре». В тезисе Спинозы содержится существенное положение фрейдовской теории человека: немалая часть того, что значимо, не выходит на передний план, а сознательные идеи – лишь один из многих [типов] данных о поведении; в сущности, их значение не слишком велико.

Психоанализ продемонстрировал неоднозначную природу наших мыслительных процессов. Действительно, рационализация, эта подделка под разум, является одним из самых загадочных человеческих феноменов. Если бы она не была таким обычным явлением, то ясно представилась бы нам как нечто подобное параноидальной системе. Параноик может быть очень умным человеком, превосходно применять разум во всех областях жизни, кроме той области, где действует его параноидальная система. То же самое делает и рационализирующий человек.

Человек по своему происхождению – стадное животное. В той мере, в какой мы – стадо, нет большей опасности для нашего существования, чем потерять контакт со стадом и оказаться в одиночестве. Рационализация есть компромисс между нашей стадной природой и нашей человеческой способностью мыслить. Последняя заставляет нас поверить, что все наши деяния могут быть поверены разумом, и мы склонны в силу этого считать иррациональные мнения и решения разумными. Но в той мере, в какой мы – стадо, нами реально руководит не разум, а совершенно другой принцип, а именно верность стаду.

Современный человек перестал заниматься поисками высшей цели в жизни и сделал из себя инструмент, служащий экономической машине. Он заботится об эффективности и успехе, а не о счастье и развитии души. Однако, редко, когда успех приносит исключительно умение и честность. Формула успеха включает и такие компоненты, как «продавать себя», «ломать собственную личность», «быть здравым», «амбиция», «добродушие», «агgressivность» и т.д., проштампованные на упаковке, в которую завернута пользующаяся успехом личность.

Отношение человека к себе неизбежно обусловливается этими стандартами успеха. Чувство собственного достоинства основывается главным образом на том, сколько стоят человеческие способности и какое применение они находят в обществе; достоинство зависит от его продажной стоимости на рынке, или мнения, которое имеется у других о «привлекательности» того или иного человека. Человек чувствует себя товаром, предназначенный привлекать покупателей на самых благоприятных, дорогих условиях.

Ничего удивительного, что в этих условиях чувство самоценности человека жестоко страдает. Условия для самоуважения – не в его власти. Человек зависит от других в одобрении и постоянной потребности в одобрении; неизбежным результатом являются беспомощность и неуверенность. В рыночной ориентации человек теряет тождество с собою; он становится отчужденным от себя. Человек ищет приют в церкви и религии, потому что внутренняя пустота заставляет его искать какое-нибудь убежище.

Второй аспект религии я называю научно-магическим. Пока человеческое познание и способность управлять природой были недостаточно развиты, этот аспект религии с необходимостью играл очень важную роль в мышлении человека. Удивляясь движению звезд, росту деревьев, наводнениям и землетрясениям, человек выдвигал гипотезы, объяснявшие эти происшествия по аналогии со своим человеческим опытом. Он предполагал, что за этими событиями стоят боги и демоны, точно так же, как объяснял происшествия в своей собственной жизни волей определенных лиц и человеческими отношениями.

По сути дела, история религии дает нам возможность судить об уровне развития науки и техники, достигнутом в различные исторические периоды. Человек обращался к богам, чтобы они удовлетворили те практические нужды, которые он не мог обеспечить самостоятельно, а то, о чем он не просил, уже находилось, следовательно, в его власти. Чем глубже человек понимает природу и чем в большей степени он ею овладевает, тем меньшей становится нужда в религии как средстве научного объяснения и магического управления природой.

Акцент на утверждении или отрицании символа «бог» мешает пониманию религиозной проблемы как проблемы человеческой и препятствует развитию человеческого отношения к миру, которое можно назвать религиозным в гуманистическом смысле. Реально существует не конфликт между верой в бога и «атеизмом», но конфликт между гуманистической религиозной установкой и подходом, который равен идолопоклонству, независимо от того, каким образом последний выражается.

Работы Альбер Камю «Миф о Сизифе. Эссе об абсурде» и Жана Поля Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм», на мой взгляд, не отвечают тематике сайта...